

UDC: 342.5(042)(575.1)
ORCID: 0000-0002-3036-1021

СООТНОШЕНИЕ УСЫНОВЛЕНИЯ И СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РАМКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФАМИЛИСТИКИ

Бабажанова Динара Исламовна,
доктор философии по юридическим наукам (PhD),
и.о. доцента кафедры «Гражданское право»
Ташкентского государственного юридического университета,
e-mail: d.babajanova@tsul.uz

Аннотация. В этой статье исследуется доктрина государственной политики в отношении договоров в целом и конкретные государственные правила, изложенные в законодательстве об усыновлении. В статье делается вывод о том, что соглашения о суррогатном воспитании: 1) несовместимы с положениями о согласии об усыновлении; 2) несовместимы с законами, запрещающими продажу детей; 3) несовместимы с положениями об усыновлении, которые предусматривают тщательное расследование деятельности усыновителей для обеспечения того, чтобы усыновление служило наилучшим интересам ребенка. Автор констатирует увеличивающиеся случаи продажи детей в Узбекистане. Соглашения о суррогатном воспитании, которые соответствуют требованиям усыновления во всех отношениях, за исключением несоблюдения положений о согласии на усыновление, должны быть аннулированы. Однако соглашения о суррогатных родителях, которые нарушают запреты на продажу младенцев, или положения, требующие расследования в отношении приемных родителей, должны быть признаны недействительными. В статье исследуются доктрина государственной политики в применении к традиционному договорному праву, процесс усыновления и лежащая в его основе государственная политика, несовместимость между соглашениями о суррогатном воспитании и законами об усыновлении.

Ключевые слова: усыновление, суррогатное материнство, плод, усыновители, семейное право, соглашение о суррогатном материнстве, продажа ребенка, добровольное согласие.

MAHALLIY VA XORIJIY FAMILISTIKA DOIRASIDA FARZANDLIKKA OLISH VA SURROGATLIK NISBATI

Babajanova Dinara Islamovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
“Fuqarolik huquqi” kafedrasi dotsenti v.b.,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Annotatsiya. Ushbu maqolada davlat siyosati doktrinasini umuman shartnomalarga nisbatan o'rganiladi va farzand asrab olish to'g'risidagi qonun hujjatlarida belgilangan hukumatning o'ziga xos qoidalari ko'rib chiqiladi. Maqolaning xulosasiga ko'ra, o'rnini bosuvchi ota-onalarni tarbiyalash to'g'risidagi shartnomalar 1) farzandlikka olishga rozilik berish qoidalarga mos kelmaydigan, 2) bolalarni sotishni taqiqlovchi qonunlarga mos kelmaydigan va 3) farzand asrab oluvchilarni sinchiklab o'rganishni talab qiladigan farzandlikka olish qoidalarga mos kelmaydi. Muallif O'zbekistonda bolalarni sotish holatlari ko'payib borayotganini qayd etadi. Farzandlikka olish to'g'risidagi talablarga har tomonlama javob beradigan o'rinbosar ota-ona shartnomalari, bekor qilinishi kerak bo'lgan farzandlikka olishga rozilik to'g'risidagi qoidalarga rioya qilmaslik bundan mustasno. Biroq, chaqaloqlarni sotish bo'yicha taqiqlarni yoki homiylik ostidagi ota-onalarga nisbatan tergovni talab qiluvchi qoidalarni buzadigan o'rnini bosuvchi ota-ona shartnomasi bekor bo'lishi kerak. Maqolada davlat siyosati doktrinasini an'anaviy shartnoma qonunchiligiga tatbiq etiladi, farzand asrab olish jarayoni va asosiy davlat siyosati, surrogat farzand asrab olish to'g'risidagi shartnomalar va farzandlikka olish to'g'risidagi qonunlar o'rtasidagi nomuvofiqlik ko'rib chiqiladi.

Kalit soʻzlar: asrab olish, surrogat, homila, farzand asrab oluvchilar, oila huquqi, surrogatlik shartnomasi, bolani sotish, ixtiyoriy rozilik.

THE RATIO OF ADOPTION AND SURROGACY IN THE FRAMEWORK OF DOMESTIC AND FOREIGN FAMILISM

Babazhanova Dinara Islamovna,

Acting Associate Professor of the Department
of Civil Law of Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. This article explores the doctrine of public policy in relation to contracts in general and examines the specific government rules laid down in adoption legislation. The article concludes that surrogate parenting agreements are 1) incompatible with adoption consent clauses, 2) incompatible with laws prohibiting the sale of children, and 3) incompatible with adoption clauses that require careful investigation of adoptive parents to ensure that adoption is in the best interests of the child. The author notes the increasing cases of the sale of children in Uzbekistan. Surrogate parenting agreements that meet the requirements of adoption in all respects except for failure to comply with the provisions on consent to adoption must be revoked. However, surrogate parent agreements that violate prohibitions on the sale of infants or provisions requiring an investigation against foster parents should be void. The article examines the doctrine of public policy as applied to traditional contract law, the adoption process and the underlying public policy, the incompatibility between surrogate parenting agreements and adoption laws.

Keywords: adoption, surrogacy, fetus, adoptive parents, family law, surrogacy agreement, sale of a child, voluntary consent.

Введение

Суррогатное материнство на сегодняшний день не является чем-то недостижимым. Мы все чаще сталкиваемся с подобным явлением. Данный институт хорошо развит как правовое явление в зарубежных странах в связи с прогрессом в области медицины. Однако в Республике Узбекистан суррогатное материнство еще не распространено настолько, что можно было бы говорить о каких-либо крупных проблемах, могущих повлиять на моральный облик нашего общества. Но все же законодательство не дает конкретного ответа на вопрос: допускается ли суррогатное материнство в нашей стране? Хотя часть шестая ст. 207 Семейного кодекса Республики Узбекистан предусматривает, что лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). То есть по факту мы регулируем только вопрос о записи лиц в качестве родителей, но не более того.

В то же время поднимается проблема взаимосвязи суррогатного материнства с институ-

том усыновления. Еще в 70-х годах XX века в США начал распространяться феномен суррогатного материнства, которое породило множество проблем, среди которых ярким было дело Baby M. Тогда в США появляется определение «Соглашение о суррогатном воспитании», под которым понималось соглашение, по которому суррогатная мать соглашается за определенную плату путем искусственного оплодотворения на вынашивание ребенка до срока, родить новорожденного, а после рождения передать все родительские права биологическому отцу. И затем предполагается, что жена биологического отца усыновит ребенка. Ученые-юристы и другие специалисты обсуждали преимущества и недостатки, законность или незаконность этой формы деторождения.

Суррогатное воспитание – это попытка создать новую форму независимого усыновления, такие соглашения не должны выполняться в той мере, в какой они несовместимы с законными и хорошо продуманными общественными принципами. Усыновление – это метод, с помощью которого государство пытается предоставить подходящий дом для детей, чьи биологические родители не могут или не хотят заботиться о них. Поскольку это приво-

дит к постоянному разрыву юридических связей между ребенком и его биологическими родителями, усыновление строго регулируется каждым государством.

В целях обеспечения защиты интересов всех сторон – ребенка, биологических родителей и приемных родителей – в теории выделяется несколько политик. Одна из таких политик заключается в обеспечении того, чтобы согласие биологических родителей на передачу ребенка для усыновления было добровольным и осознанным. Другой – предотвратить обращение с детьми как с движимым имуществом. Таким образом, многие государства запрещают «продажу детей» или «посредничество с детьми». Наконец, большинство государств стремятся защитить ребенка путем обеспечения хорошими приемными родителями до того, как им будет выдано решение об усыновлении. Поскольку соглашения о суррогатных родителях мы выдвигаем в форме усыновления, они должны соблюдать эту политику.

Целью исследования является определение соотношения усыновления и суррогатного материнства с позиции защиты прав ребенка, исследование правовой природы суррогатного материнства, политики государства по усыновлению, запрета на продажу ребенка, проведению расследования по определению пригодности усыновителей и добровольного согласия.

Литературный обзор

В Республике Узбекистан общетеоретическими проблемами в сфере семейного права исследовались такими учеными-правоведами, как Ф.М. Отахужаев, Н.Ф. Имомов, Д.М. Караходжаева, Х.Р. Рахмонкулова, Н. Ашурова, З.Н. Эсанова, У.Ш. Шарахметова. Однако указанные авторы не исследовали специально вопросы усыновления в соотношении с суррогатным материнством, что подтверждает необходимость проведения научного исследования в данном направлении.

В ходе исследования нами изучался положительный опыт развитых стран и в первую очередь опыт США, так как именно в этой стране институт суррогатного материнства получил наиболее широкое развитие. Так, в рамках исследования были проанализированы работы Sally Sales, Malinda L. Seymore, Amanda

L. Baden, Oh Myo Kim, Danielle E. Godon, Mia Tuan, Jiannbin Lee Shiao, John D. Palmer, Rhoda Scherman, Niki Harre, Gretchen Miller Wrobel, Howard Davidson, Jonathan Todres, Gamze Erdem Turkelli, Wouter Vandenhoele, Elaine E. Sutherland, Gauthier de Beco.

Материалы и методы

В ходе исследования использованы научно-теоретические взгляды ученых-правоведов нашей страны и развитых стран по вопросам заключения соглашения о суррогатном материнстве, политики и порядка усыновления.

При проведении исследования были использованы сравнительно-правовой метод, методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Результаты исследования

Процесс усыновления

Исходя из того, что ст. 63 Конституции Республики Узбекистан предусматривает, что семья является основной ячейкой общества и имеет право на защиту общества и государства, наше правительство предпочитает оставлять детей с их биологическими родителями. Однако не всегда осуществляется данная политика. Тогда на помощь приходит один из вариантов обеспечения воспитания детей в семье – усыновление. Усыновление – это реакция государства на потребности детей, родители которых не могут или не хотят заботиться о них. Это процедура, с помощью которой государство пытается найти постоянный дом для тех детей, у которых его нет. В целом усыновление навсегда разрывает юридические связи между ребенком и его биологическими родителями. В семейном законодательстве Республики Узбекистан административный порядок усыновления (удочерения) был недавно упразднен. В административном порядке усыновление осуществлялось решением хокима.

Развитие семейного права также повлияло на институт усыновления, и был введен судебный порядок усыновления. Усыновление по заявлению граждан Республики Узбекистан подпадает под юрисдикцию межрайонных, областных (городских) судов по гражданским делам по месту жительства усыновляемого ребенка.

Список участников, участвующих в рассмотрении дел, связанных с усыновлением,

также установлен законодательством. Таким образом, предполагаемые усыновители, органы опеки и попечительства, а также прокурор должны участвовать в судебном разбирательстве. При необходимости в суде могут участвовать родитель (отец или мать), его/ее родственники и другие заинтересованные лица усыновляемого ребенка, а также ребенок в возрасте от десяти лет. После судебного разбирательства, суд может вынести решение об усыновлении ребенка заявителями (усыновителями).

Суррогатное воспитание как форма усыновления

Соглашение о суррогатном воспитании само по себе не является соглашением об усыновлении. Это соглашение, в соответствии с которым биологическая мать соглашается за определенную плату лишиться ее родительских прав после рождения ребенка и передать ребенка биологическому отцу [1]. Пороговый вопрос может заключаться в том, почему соглашения о суррогатном воспитании должны соответствовать существующим законам об усыновлении. Стороны соглашения о суррогатном воспитании предполагают, что жена биологического отца, мачеха, усыновит ребенка. Соглашения о суррогатном родительском воспитании, по сути, являются формой независимого усыновления. Их конечная цель – сделать договаривающуюся пару законными родителями ребенка через усыновление. Поскольку соглашения о суррогатном воспитании – это попытка создать новую форму независимого усыновления, их совместимость с законами об усыновлении имеет решающее значение.

Интересы государственной политики, защищаемые процессом усыновления

Интересы государственной политики, защищаемые процессом усыновления, отражены в трех аспектах государственных законов об усыновлении: требование согласия, запрет продажи младенцев и требование расследования [2].

Наиболее развит институт суррогатного материнства именно в США, поэтому мы акцентируем внимание именно на изучении данного опыта. Каждый штат в США требует, чтобы биологические родители дали согласие на

усыновление своего ребенка до того, как усыновление будет одобрено [3]. Есть несколько причин, по которым требуется согласие биологических родителей. По общему правилу одна из причин – заинтересованность государства в сохранении отношений между ребенком и его биологическими родителями. Обычно считается предпочтительным, чтобы родители и их биологическое потомство оставались вместе. Вторая, связанная с этим причина для требования согласия, состоит в том, что недобровольное лишение прав биологических родителей может произойти только при определенных обстоятельствах. Процесс усыновления разработан в первую очередь как механизм добровольного прекращения родительских прав. Третья причина, по которой требуется согласие биологических родителей на усыновление, состоит в том, чтобы защитить усыновителей от нестабильности, которая могла бы возникнуть, если бы биологические родители могли свободно передумать и вернуть своего ребенка [4]. Наконец, требуется согласие на то, чтобы предотвращать злоупотребления, которые в противном случае могли бы произойти, если бы согласие не требовалось. Таким образом, без согласия биологических родителей ни один штат не разрешает забирать ребенка у них, если только ребенок не был брошен, оставлен без присмотра или подвергнулся жестокому обращению. Аналогичный порядок существует и в Республике Узбекистан. Так, ст. 159 Семейного кодекса Республики Узбекистан требует наличия согласия родителей усыновляемого на усыновление.

Чтобы согласие биологических родителей было действительным, оно должно быть дано добровольно. Согласие может быть принудительным по ряду причин. Например, согласие, данное биологическими родителями под принуждением, не считается добровольным и не является добровольным, если оно дано под каким-либо влиянием, при мошенничестве или ошибке. Согласие также не считается добровольным при его покупке. К примеру, в США четверть штатов запрещает биологическим родителям получать вознаграждение в обмен на их согласие передать ребенка на усыновление. Запрет таких сборов вместе с запретом на согласие до рождения ребенка необходимо из-

учить дополнительно, чтобы понять, как они способствуют политике государства по обеспечению того, чтобы согласие было добровольным и осозанным.

В теории часто обсуждается вопрос о запрете биологическим родителям давать согласие на усыновление до рождения ребенка. Доктрина с таким запретом признает невозможность дать согласие на осознанной и разумной основе до рождения ребенка [5]. Соответственно, в юрисдикциях родители могут отозвать согласие, данное до рождения ребенка. Более того, в соответствии со ст. 159 Семейного кодекса Республики Узбекистан, даже если биологические родители дадут согласие после рождения ребенка, это согласие может быть относительно легко отозвано до принятия решения судом об усыновлении.

Одна из причин запретить предродовое согласие – защитить биологических родителей от поспешных, необдуманных решений об усыновлении. Запреты также основаны на признании того, что беременность и роды могут быть самым личным и эмоциональным переживанием для женщины. Связь между матерью и ребенком может иметь место во время беременности и при рождении. Привязанность начинается с ощущений, создаваемых движением плода, которые подтверждают осведомленность матери о другом – осознание, которое продолжается на протяжении всей беременности. Таким образом, женщина, которая привязана к ребенку во время беременности или родов, находится в трагической ситуации, если она будет вынуждена отдать своего ребенка для усыновления на основании согласия, данного до рождения ребенка. Разрешение государства дать согласие до рождения ребенка оставит биологическую мать без другого выхода, кроме как завершить усыновление [6]. По опыту развитых стран можно констатировать, что запрет биологическим родителям предоставления согласия на усыновление до рождения ребенка прямо и косвенно основан на связи между биологической матерью и ее ребенком, которая возникает в различной степени как во время беременности, так и при рождении.

Многие страны также стремятся обеспечить добровольное согласие, запрещая вы-

плату гонораров биологическим родителям с целью добиться их согласия. Однако, к примеру, в большинстве штатов США приемной паре разрешается возмещать биологическим родителям медицинские расходы, понесенные в связи с беременностью и родами [7]. Некоторые штаты также разрешают приемным родителям оплачивать судебные издержки, понесенные биологическими родителями, а некоторые заходят так далеко, что разрешают биологическим родителям возмещать расходы на проживание, понесенные во время беременности. Однако ни один штат не разрешает выплату биологическим родителям вознаграждения в обмен на их согласие передать ребенка. Запрещение таких сборов является признанием того, что финансовый стимул может побудить биологического родителя дать согласие на усыновление ребенка, которого он в противном случае оставил бы себе.

В деле *Downs v. Wortman* [8], например, суд постановил, что предложение оплатить авиаперелет биологической матери для поездки в Иллинойс, где жили ее родители, лишило ее согласия. Суд признал, что желание матери навестить родителей могло превзойти ее способность принять добровольное решение об усыновлении, и пришел к выводу, что договор недействителен как противоречащий государственной политике. Суд провел различие между выплатами в пользу биологического родителя и выплатами в пользу ребенка. Он пришел к выводу, что, хотя последние допустимы, первые нарушают общественный порядок. В деле *Varwin v. Reidy* [9], суд объяснил причину разрешения выплат в пользу ребенка:

Часто бывает, что лица, желающие усыновить ребенка, перед рождением ребенка обеспечивают его мать и осуществляют оплату больничных и медицинских расходов, связанных с уходом за матерью и ребенком. В этой практике нет ничего противоречащего государственной политике. В самом деле, благополучию ребенка способствует то, что ребенок и мать получают адекватную медицинскую помощь, которая в противном случае, возможно, не была бы оказана.

Однако выплаты биологическим родителям просто для их собственной выгоды пред-

ставляют собой продажу ребенка. Обширные положения о согласии в законах об усыновлении отражают признание того факта, что соглашение о передаче ребенка для усыновления отличается по своему характеру, а не только по степени от обычного коммерческого контракта. Таким образом, необходимо принять специальные меры, чтобы согласие биологических родителей было действительным. Чтобы гарантировать согласие биологических родителей, необходимо запретить им давать согласие до рождения ребенка, для обеспечения того, чтобы согласие было добровольным, необходимо запретить биологическим родителям получать деньги за согласие на передачу их ребенка.

Продажа или посредничество с младенцами запрещены независимо от согласия биологических родителей. Сегодня в Республике Узбекистан мы часто сталкиваемся с информацией о том, что какая-то мать была задержана при попытке продать своего ребенка [10-14]. Причин тому множество. К примеру, в декабре 2020 г. председатель Сената Танзила Нарбаева рассказала, почему в Узбекистане женщины продают своих детей: «Анализ данных за 2017–2020 годы показал, что 31 % женщин, продавших своих детей, сделали это из-за сложной социальной ситуации, 17 % – пытались спрятать плод, а 52 % – ради финансовой выгоды» [12]. Нужно отметить, что Уголовный кодекс Республики Узбекистан запрещает торговлю людьми и в ст. 135 квалифицирует данное действие как преступление, а за продажу ребенка, не достигшего 18 лет, предусматривается лишение свободы от 8 до 12 лет.

Положения о продаже младенцев предназначены для предотвращения обращения с детьми как с движимым имуществом и ликвидации черного рынка [15]. Признавая уникальность человеческой жизни, нельзя рассматривать ребенка как обычный коммерческий товар.

В большинстве случаев усыновления биологические родители не знают личности приемных родителей, поэтому у них нет возможности проверить их порядочность. Даже в случае открытого усыновления, когда биологические родители знают или даже выбирают усыновителей, государство требует расследо-

вания и тем самым берет на себя окончательную ответственность за обеспечение пригодности усыновителей и защиту благополучия ребенка. Такое расследование влечет за собой полную проверку способности потенциальных усыновителей заботиться о ребенке, включая их психологические, социологические, физические и финансовые возможности обеспечить надлежащую жизнь. Путем всестороннего расследования потенциальных приемных родителей государство ограничивает лиц, которым разрешено усыновление. Данный перечень предусмотрен ст. 152 Семейного кодекса Республики Узбекистан.

Требование, чтобы биологические родители дали осознанное согласие, защищает их от неправомерного лишения родительских прав. Усыновители также защищены положением о согласии, поскольку действительное согласие обеспечивает доступность ребенка для усыновления. Запрет на продажу младенцев защищает ребенка от усыновления на основании неправильных критериев, которые могут полностью игнорировать интересы ребенка. Наконец, изучение усыновителей – это государственный метод проверки их пригодности для воспитания ребенка. Установив эти правила, необходимо определить их совместимость с соглашениями о суррогатном материнстве.

Анализ результатов исследования

Соглашения о суррогатном материнстве могут быть принудительно исполнены при определенных обстоятельствах. Во-первых, чтобы соответствовать положениям о согласии в законах об усыновлении, они не должны предусматривать, чтобы биологическая мать получала вознаграждение сверх возмещения, на которое она имела бы право в соответствии с законодательством об усыновлении [16]. Хотя это предложение может уменьшить или практически исключить желание женщин, которые согласятся выступить в роли суррогатных матерей, оно необходимо для защиты интересов ребенка. Во-вторых, соглашения о суррогатном воспитании должны быть структурированы, чтобы дать биологической матери период времени, чтобы изменить свое решение после рождения ребенка. Кроме того, после рождения ребенка суррогатная мать

должна быть уведомлена о ее праве на расторжение договора.

Без личного консультирования суррогатная мать может соблюдать положения соглашения о суррогатном воспитании просто потому, что она не знает о своем праве поступить иначе [17]. В обстоятельствах, когда соглашение о суррогатном родительском воспитании несовместимо с законодательством об усыновлении только потому, что оно не соответствует требованиям согласия на усыновление, соглашение о суррогатном родительском воспитании должно быть аннулировано. Эта ситуация аналогична ситуации, когда одна из сторон договора является недееспособной. Соглашение о суррогатном воспитании также должно быть признано недействительным, если согласие суррогатного родителя недействительно. Однако, если соглашение о суррогатном родительстве также нарушает запрет на продажу ребенка, его следует считать недействительным. Недопустимая плата не только искажает согласие, но и угрожает создать черный рынок продажи младенцев. Такое соглашение вообще не должно исполняться [18]. Наконец, государство должно определять пригодность усыновителей. Расследование должно быть проведено до оплодотворения суррогатной матери. После того как расследование будет проведено, и приемная пара будет признана годной, процесс суррогатного воспитания может действовать в рамках ограничений, изложенных выше.

Хотя суррогатное воспитание – это попытка создать новую форму независимого усыновления, оно может рекомендовать его гораздо меньше, чем традиционное усыновление [19]. Согласно действующим законам об усыновлении, интересы государства заключаются в защите благополучия ребенка, родители которого не могут или не хотят обеспечивать его. Таким образом, государство, разрешая усыновление, помогает удовлетворить потребности ребенка путем обеспечения механизма, с помощью которого ребенок может быть помещен в семью [20]. Ключевым моментом, однако, является то, что законы об усыновлении были созданы для удовлетворения потребности – необходимости заботиться о существующих детях, не имеющих дома.

Заинтересованность государства в удовлетворении потребностей этих детей привела к принятию законов об усыновлении. Суррогатное воспитание существует, но не для удовлетворения потребностей детей, а для удовлетворения желаний приемной пары. Таким образом, с самого начала в практике суррогатного воспитания отсутствует государственная заинтересованность в традиционных усыновлениях для удовлетворения потребностей существующих детей. Более того, в стране есть тысячи детей, которые отчаянно нуждаются в семье. Необходимость в домах для приемных детей хорошо задокументирована. Есть также много детей, доступных для усыновления. Конечно, многие приемные дети не являются младенцами и могут иметь различные проблемы с физическим и/или психическим здоровьем. Как и любая другая группа, группа приемных детей состоит из индивидуумов, каждый со своей индивидуальностью. Если бы больше пар открыли свои дома для этих детей, это послужило бы ряду целей. Во-первых, ребенок, который хочет и нуждается в доме, будет иметь его. Во-вторых, он родится у пары, которая хочет заботиться о ребенке. В-третьих, ребенок, о котором хорошо заботятся, с большей вероятностью вырастет счастливым и здоровым и станет продуктивным членом общества, чем бездомный, брошенный или подвергшийся насилию [21]. Хотя наличие детей, доступных для усыновления, не лишает законной силы соглашения о суррогатном воспитании, оно показывает, что суррогатное родительство может принести больше вреда, чем пользы для общества в целом.

Выводы

Таким образом, суррогатное материнство выступает как один из подвидов института усыновления, так как в первом случае суррогатная мать вынашивает плод мужчины и связана генетически с ним. То есть имеется связь плода с суррогатной матерью, поэтому мировое сообщество предоставляет право суррогатной матери отказаться от соглашения о суррогатном материнстве.

По общему правилу при суррогатном материнстве мы предполагаем, что в будущем суррогатная мать обязана передать все родитель-

ские права после рождения ребенка «мачехе». Так, институт суррогатного материнства является сложным правовым явлением, объединяющим в себе различные институты семейного права. Однако при рассмотрении сущности суррогатного материнства и сравнении его с усыновлением мы приходим к выводу о том, что первое вытекает из второго, при этом каждый из них имеет свои особенности, некоторые из которых предусмотрены в семейном законодательстве.

Платное суррогатное материнство несовместимо с запретом на продажу детей и должно быть запрещено. Однако могут быть заключены соглашения о суррогатном воспитании, если суррогатной матери не будет выплачиваться плата сверх тех сборов, которые в настоящее время разрешены в соответствии с законами об усыновлении.

Кроме того, необходимо создать некий механизм для исследования пригодности приемной пары в качестве родителей. Наконец, в соглашениях о суррогатном воспитании биологической матери необходимо выделить время после рождения ребенка, чтобы она решила, желает ли она передать ребенка. В противном случае договор суррогатного воспитания будет расторгнут по ее усмотрению. Если суррогатная мать решает не отдавать ребенка, решение о дальнейшем воспитании ребенка должно быть принято исходя из наилучших интересов ребенка без учета суррогатного соглашения. Несмотря на то, что соглашения о суррогатном воспитании могут быть заключены в соответствии с законодательством об усыновлении, обществу было бы лучше, если бы бесплодные пары усыновляли детей, ожидающих усыновления в настоящее время.

REFERENCES

1. Sales S. Contested attachments: rethinking adoptive kinship in the era of open adoption, *Child and family social work*, 2013.
2. Seymore M.L. 16 and Pregnant: Minors' Consent to Abortion and Adoption, 25 *YALE J.L. & FEM.* 2013, no. 99, p. 153.
3. Baden A.L. et al. International Adoption: Counseling and the Adoption Triad, 16 *Adoption quarterly*, 2013, p. 218.
4. Godon D.E. et al. Transracial Adoptees: The Search for Birth Family and the Search for Self, 17. *Adoption quarterly*, 2014, no. 1.
5. Kim O.M. et al. Cultural Socialization in Families with Adopted Korean Adolescents: A Mixed-Method, Multi-informant Study, 28. *Adolescent research*, 2013, no. 69.
6. Tuan M., Shiao J.L. Choosing ethnicity, negotiating race: Korean adoptees in America. 2011.
7. Scherman Rh., Harre N. Interest in and Identification with the Birth Culture: An Examination of Ethnic Socialization in New Zealand Intercountry Adoptions, 53 *Int'l Social Work*, 2010, p. 528.
8. *Downs v. Wortman*, 228 Ga. 1971.
9. *Barwin v. Reidy*, 62 N. M. 183, 307 P.2d 175. 1957.
10. Mat' zaderzhana pri popytke prodats' rebenka [The mother was detained while trying to sell the child]. 28.01.2020. Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/28/kid/>.
11. 7 million so'mga baholangan go'dak [A baby valued at 7 million soums]. 13.11.2021. Available at: <https://namviib.uz/oz/events/7-million-somga-baholangan-godak/>.
12. V Tashkente zaderzhali zhenshinu pri popytke prodats' svoego rebenka za pochti 9 tysjach dollarov [A woman was detained in Tashkent while trying to sell her child for almost 9 thousand dollars]. 18.11.2021. Available at: <https://repost.uz/novorozhdennogo/>.
14. V Tashkente mat' pytalas' prodats' novorozhdennuju doch' za \$18 tysjach [In Tashkent, a mother tried to sell her newborn daughter for \$ 18 thousand]. 14.08.2021. Available at: <https://uznews.uz/ru/article/33422/>.
15. Palmer J.D. Dance of identities. Korean adoptees and their journey toward empowerment, 2011.

16. Gretchen M.W. et al. Adoptees' Curiosity and Information-Seeking about Birth Parents in Emerging Adulthood. *Context, Motivation and Behavior*, 37. *Int'l J. Behavioral Development*, 2013.
17. Davidson H. Does the U.N. Convention on the Rights of the Child Make a Difference? *22 Mich. St. INT'L L.*, 2013, pp. 498, 510.
18. Todres J. A Child Rights Framework for Addressing Trafficking of Children. *22 Mich. St. INT'L L.*, 2013, pp. 557, 574.
19. Turkelli G.E., Vandenhole W. The Convention on the Rights of the Child: Repertoires of NGO Participation, *12 Human Rights L. Rev.*, 2012, pp. 33-34.
20. Sutherland E.E. Listening to the Voice of the Child: The Evolution of Participation Rights, *2013 NZ L. Rev.*, 2013, pp. 335, 340.
21. Beco G. The Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on a Communications Procedure: Good News? *13 Human Rights L. Rev.*, 2013, pp. 367, 373-379.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

MAXSUS SON / 2021

I QISM

BOSH MUHARRIR:

Nodirbek Salayev

Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektor

BOSH MUHARRIR O'RINBOSARI:

Ikrom Ergashev

Ilmiy boshqarma boshlig'i

Mas'ul muharrir: D. Xudoynazarov

Muharrirlar: Sh. Jahonov, K. Abduvaliyeva,
F. Muhammadiyeva, Y. Yarmolik

Texnik muharrirlar: U. Sapayev, D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahar, Sayilgoh ko'chasi, 35.

Tel.: (0371) 233-66-36, 233-41-09.

Faks: (0371) 233-37-48.

Web-sayt: www.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

E-mail: tn.tdyu@mail.ru

Jurnal 15.12.2021-yilda tipografiyaga topshirildi.

Qog'oz bichimi: A4. Shartli 25,92 b.t. Adadi: 100.

Buyurtma: № 70.

TDYU tipografiyasida chop etildi.